

Гуань Маньцан и его братья, услышав слова отца, замерли на месте. Гуань Маньку с сомнением посмотрел на Гуань Хэ:

— Отец...

Лицо Гуань Хэ стало еще мрачнее. Он чувствовал, что потерял лицо, но ничего не мог поделать с Чжао Шэнгу и Гуань Юанем. Вместо этого он выместил злобу на своих сыновьях:

— Ни на что не годные!

Его взгляд, полный злобы, устремился на Гуань Юаня и Чжао Шэнгу:

— Сейчас я ничего не могу с вами сделать, но раз вы больше не часть семьи Гуань, убирайтесь отсюда. Ни одной иголки или нитки из дома Гуань вы не возьмете.

Гуань Юань презрительно усмехнулся:

— Кому это нужно?

На самом деле брат было нечего. В доме было всего два одеяла и один шкаф, которые принадлежали Ли Юэхуа. Как ее сын, Гуань Юань мог забрать их, но даже за это Ян Сюцуй пыталась помешать.

Затем они собрали свои собственные вещи — кастрюли, миски и прочую утварь.

Семья Гуань Хэ наблюдала, как Гуань Юань и Чжао Шэнгу собирали свои вещи. Когда все было почти готово, Гуань Хэ указал на огород:

— Этот огород принадлежит семье Гуань. Либо вы забираете все овощи сегодня, либо они останутся нам.

Не говоря ни слова, Чжао Шэнгу и Гуань Юань вырвали все овощи. В конце концов, у них было пространство, где они не испортятся.

Под гневными взглядами семьи Гуань они выкатили деревянную тележку, взятую у соседей, и отправились в путь к своему новому дому. Выйдя из семьи Гуань, Гуань Юань почувствовал, что небо стало как никогда голубым, а деревня Гуаньцзя — удивительно милой.

Придя во двор семьи Чжао, Чжао Шэнгу провел рукой по дверному косяку. Здесь остались воспоминания о его детских играх, но теперь внутри все было покрыто паутиной, и повсюду царил запущенность. Гуань Юань подбодрил его:

— Брат, давай приведем это место в порядок и сделаем его самым красивым двором в Гуаньцзя!

Чжао Шэнгу улыбнулся, отгоняя грустные мысли:

— Хорошо, это будет наш новый дом!

Они начали с того, что вымели всю паутину из дома, пропололи сорняки во дворе и тщательно вымыли каждую комнату. К тому времени, как они закончили, уже начинало темнеть.

Кан, хоть и немного обвалился, был еще пригоден для использования, но во дворе не было дров.

— Брат, может, переночуем в пространстве?

В этот момент к ним подошла Третья бабушка, держа в руке факел.

— Шэнгу, Сяо Юань!

— Третья бабушка? Как вы сюда добрались?

Чжао Шэнгу и Гуань Юань поспешили пригласить ее внутрь. Их двор и дом Третьей бабушки находились на противоположных концах деревни, и для нее, с ее маленькими ножками, было небезопасно идти в темноте.

Третья бабушка, увидев, как дети привели дом в порядок, успокоилась:

— Вы такие трудолюбивые, я спокойна за вас. Сегодня я ходила в горы за дровами, а когда вернулась, услышала, что вы ушли из семьи Гуань. Расскажите, как так вышло? Как Гуань Хэ позволил вам уйти?

Чжао Шэнгу рассказал ей о встрече со Старейшиной Ли и Старейшиной Чжао. Третья бабушка вздохнула:

— Вам повезло встретить добрых людей.

Гуань Юань вспомнил, что Третья бабушка упоминала о походе за дровами:

— Третья бабушка, зачем вам самой ходить в горы? Почему Маньди и его жена не помогают?

При этих словах лицо Третьей бабушки потемнело:

— Они заняты в поле!

Гуань Юань замолчал. Работы в деревне уже закончились, и у каждой семьи оставалось лишь небольшое количество земли. Несомненно, это было проделками Чжао Цзюань.

Третья бабушка Гуань выглядела подавленной. Она вырастила беспутного сына, который позволил жене помыкать собой. Сердце матери разрывалось от боли, но она все равно жалела своего сына, стараясь делать больше, чтобы он не страдал между двух огней.

Чжао Шэнгу с гневом сказал:

— Маньди ведет себя ужасно!

— Эх, не стоит говорить об этом. Не знаю, какой грех я совершила в прошлой жизни, что получила такого сына и невестку. Это настоящая беда для семьи. Но хватит об этом. Вы только что переехали, у вас есть еда? У меня есть сушеные овощи с прошлого года и немного пшеницы. Завтра приходите ко мне, я сама не смогу их принести, мои старые кости уже не те...

— Третья бабушка замолчала, упомянув Гуань Маньди, и перевела разговор. — Вот, я испекла для вас лепешки, они еще теплые, ешьте скорее.

Чжао Шэнгу и Гуань Юань не стали отказываться от ее доброты и принялись есть. Третья бабушка смотрела на них с теплотой, и атмосфера под светом керосиновой лампы была невероятно уютной.

Закончив с лепешками, Третья бабушка осмотрела их кан и обнаружила, что он холодный.

— На улице еще холодно, может, пойдете ко мне? У меня есть свободные комнаты, и кан теплый.

Гуань Юань и Чжао Шэнгу не хотели идти. Во-первых, Чжао Цзюань точно начнет ворчать, а во-вторых, это был их дом, и они не хотели проводить первую ночь в чужом месте.

— Ничего, на улице не так уж холодно, одеяла теплые, мы не простудимся. Мы проводим вас обратно.

Третья бабушка пыталась отказаться, но Чжао Шэнгу и Гуань Юань не могли позволить ей одной идти в темноте через полдеревни. Они настояли на том, чтобы проводить ее. Чжао Шэнгу одной рукой поддерживал Третью бабушку, а другой крепко держал Гуань Юаня, шагая по неровной дороге.

Когда они добрались до дома Третьей бабушки, ворота были заперты изнутри.

Чжао Шэнгу постучал. В доме послышались голоса, и Гуань Юань с Чжао Шэнгу, обладая острым слухом, услышали разговор. Гуань Маньди сказал:

— Цзюань, наверное, это мама вернулась, я открою.

Чжао Цзюань ответила:

— Не смей! Эта старая ведьма любит этих чужаков как родных, а своего сына отодвинула в сторону. Пусть сама справляется.

Затем послышался умоляющий голос Гуань Маньди:

— Цзюань...

Третья бабушка, хоть и не слышала слов, догадалась, о чем идет речь. Ее сердце разрывалось от боли. Вот что значит «сын — опора в старости».

Чжао Шэнгу, разгневанный, с силой пнул ворота, которые с грохотом упали на землю. В тишине ночи звук был оглушительным. Чжао Цзюань вскрикнула от испуга:

— Маньди, иди посмотри, кто это...

Гуань Маньди, тоже напуганный, медленно вышел на улицу и увидел Чжао Шэнгу и Гуань Юаня. Он облегченно вздохнул, но затем почувствовал неловкость. Ведь недавно Чжао Шэнгу, будучи еще ребенком, отчитал его, и это было трудно забыть.

Гуань Маньди неуверенно произнес:

— Шэнгу, Сяо Юань, как вы сюда попали в такой темноте?

Чжао Цзюань, поняв, что это не злоумышленники, вышла, накинув на себя одежду:

— О, кто это? Шэнгу? Вы что, решили ограбить нас? Ворота сломали, такой шум подняли, чуть не напугали до смерти!

Чжао Шэнгу проигнорировал ее и обратился к Гуань Маньди:

— Маньди, ты не знаешь, что твоя мать стоит на холоде?

Гуань Маньди замялся:

— Я не знал...

Третья бабушка остановила Чжао Шэнгу:

— Хватит, Шэнгу, с этими людьми не о чем говорить. Идите домой, на улице холодно, не простудитесь.

— Стойте! Кто сказал, что вы можете уйти? Вы сломали ворота и думаете, что уйдете без последствий?

Чжао Шэнгу усмехнулся:

— Чжао Цзюань, советую тебе лучше относиться к Третьей бабушке. Если я расскажу о сегодняшнем происшествии, да еще добавлю твои шашни с другими, думаешь, тебя оставят в семье Гуань?

Чжао Цзюань побледнела, но попыталась сохранить уверенность:

— Что ты имеешь в виду? Ты думаешь, семья Гуань может меня выгнать? Сейчас новое время!

— Думаешь, издевательство над стариками не наказуемо?

Чжао Шэнгу не стал ждать ее ответа и ушел с Гуань Юанем. Чжао Цзюань, чувствуя тревогу, больше не стала подстрекать Гуань Маньди против Третьей бабушки и вернулась в дом с тяжелым сердцем.

Чжао Шэнгу нес Гуань Юаня на спине, шагая под лунным светом, и они разговаривали, направляясь домой.

— Брат, Третья бабушка такая несчастная.

На самом деле он тоже не одобрял ее постоянные уступки Гуань Маньди, что позволяло Чжао Цзюань манипулировать ею.

Чжао Шэнгу вздохнул:

— Постараемся заботиться о ней в будущем.

Вернувшись домой, Чжао Шэнгу последовал совету Гуань Юаня и отправился спать в пространство. Они специально заглянули к Лотосу. Гуань Юань казалось, что этот цветок слишком активен и сейчас прижимался к Чжао Шэнгу.

Гуань Юань тоже любил этот цветок, хотя «ему не нравилось, что он всегда прилипал к Чжао Шэнгу». Немного пообщавшись с Лотосом, они отправились спать.

На следующее утро они проснулись бодрыми и свежими.